

Уильям Топаз Макгонаголл

Стихи

Переводы Светланы Лихачевой,
Марии Виноградовой

Вступление Светланы Лихачевой

“Оссиан неопикуемой бессмыслицы”

А вы знаете, кто самый популярный шотландский поэт? Правильно, Роберт Бёрнс. А второй по популярности, сразу после Бёрнса? Нет, не Роберт Фергюссон. И не Джеймс Макферсон. И даже не Вальтер Скотт. А Уильям Топаз Макгонаголл, вдохновенный бард из города Данди, на коего простерлось покровительство Ее Всемиловитвейшего Величества королевы Виктории. Как, вы о нем не слышали?

Действительно, по результатам опроса, проведенного в 2009 году центральной библиотекой Данди, Уильям Макгонаголл был признан вторым по популярности шотландским поэтом после Роберта Бёрнса. В Данди, где наш герой провел большую часть своей жизни, процветает Общество ценителей Уильяма Топаса Макгонаголла, а в центральной библиотеке хранится отдельная коллекция сочинений поэта. Там же, в Данди, есть пло-

щадь, названная именем стихотворца, а вдоль набережной реки Тей на отшлифованных камнях, вделанных в тротуар, начертаны строки из стихотворения “Железнодорожный мост через реку Тей”: эта часть набережной с видом на одноименный мост носит гордое имя Променад Макгонаголла. В конце променада установлен информационный стенд, посвященный творчеству Макгонаголла и истории злополучного моста. В Шотландии устраиваются званые обеды в честь поэта (где блюда подаются в обратном порядке, начиная с кофе и заканчивая закусками). Рукопись из 35 стихотворений с автографом автора на торгах аукционного дома “Лайон энд Тэрнбулл” в Эдинбурге была продана за 6600 фунтов. Подборка произведений поэта записана в исполнении известного шотландского актера Джона Лори. На интернет-сайте, посвященном творчеству Макгонаголла, можно приобрести всяческую “макгонаголию” — футболки и кружки с портретом Топаза и цитатами из его шедевров; а также его стихотворные сборники, что переиздаются из года в год. Поклонники его таланта принимают его уникальный, весьма узнаваемый стиль и начинают изъясняться “языком Макгонаголла”, в том числе и в повседневной жизни — “макгонаголизм”, оказывается, чрезвычайно привязчив.

Ибо шотландский поэт-любитель по имени Уильям Топаз Макгонаголл (1825—1902), автор более 200 стихотворений, еще при жизни прославился по всей Англии и Шотландии как худший поэт в истории Великобритании, а возможно, что и в истории всех времен и народов. “Оссианом неопишуемой бессмыслицы” назвал его Хью Макдиармид в своей книге “Шотландские чудачки”. Представления Макгонаголла о поэзии основаны на чрезвычайно простом постулате: в стихах обязательно должны быть рифмы — и мораль. Все остальное — неважно. Макгонаголла упрекали в том, что он глух к поэтической метафоре, не умеет выдерживать поэтический размер, его словарный запас беден, одни и те же парные рифмы повторяются до бесконечности, строки нашпигованы нелепыми вставками-отсебятиной, однако все в совокупности, в сочетании с самодовольной назидательностью, порождает непреднамеренный, невероятно комичный эффект. Его вирши так сокрушительно серьезны, так неподражаемо плохи, что граничат с гениальностью. Иные даже задумывались, а не Козьма ли это Прутков от английской литературы: может стать, нарочитая нелепость его виршей — это на самом деле результат сознательного авторского замысла? Не пародия ли перед нами? Но нет: если “наследие” Козьмы Пруткова — это блестящая литературная стилизация, то Макгонаголл — графоман совершенно подлинный. И какого масштаба!

Будущий стихотворец родился в семье ирландских иммигрантов; отец его зарабатывал на жизнь ткачеством. “Мои родители были бедны, но честны, богобоязненны и трезвого образа жизни”, — с достоинством пишет Макгонаголл в своей “Краткой автобиографии”. Со временем семья обосновалась в городе Данди, где ремесло ткача было весьма востребовано. Мастером ткацкого дела был и Топаз. Днем работал на фабрике, вечерами читал книги и совершенствовал почерк, “пока не сделал себя тем, кем он есть”. Зачиты-

вался грошовыми изданиями шекспировских пьес; более прочих любил “Макбета”, “Ричарда III”, “Гамлета” и “Отелло” (в литературных пристрастиях юного дарования наглядно проявилась тяга к макабрическому; недаром в его собственном творчестве ключевое место впоследствии займут катастрофы и похороны). Молодой Топаз нередко разыгрывал наиболее эффектные сцены из этих пьес на радость своим сотоварищам по ткацкому цеху. И, наконец, настал звездный час: ему довелось сыграть в самом настоящем театре.

Правда, как признается в своей автобиографии наш герой, играть ему позволили на следующих условиях: мистер Джайлс, владелец местного театра, потребовал, чтобы перед выходом на сцену мистер Макгонаголл уплатил ему один фунт наличными. Впрочем, когда Топаз сообщил об этом своим сотоварищам по цеху, те немедленно собрали нужную сумму по подписке и все как один, заявили, что пойдут смотреть на него “в роли тана Файфского, сиречь Макбета”. “Когда я появился на сцене, меня встретила настоящая буря аплодисментов, но когда я воскликнул: ‘Встать лагерем на пустоши велью я’¹, аплодисменты переросли в оглушительную овацию и не умолкали весь вечер, особенно в сцене боя”. Вдохновленный поддержкой друзей, Топаз категорически отказался умирать в финальной сцене: злополучный Макдуф, как ни старался, так и не сумел прикончить короля-узурпатора и в итоге сам получил хорошую взбучку! Макгонаголла торжественно унесли со сцены на руках, а шекспировская трагедия обрела альтернативный финал. Стоит ли удивляться, что наш герой возомнил себя великим трагическим актером!

Но — то был человек многих дарований. В 1877 году — то есть в возрасте уже весьма почтенном — он совершенно случайно обнаружил в себе еще и поэтический дар. В своей “Автобиографии” Топаз вспоминает, как в цветущем месяце июне одиноко грустил в своей комнате, и тут на него внезапно накатило “некое странное чувство. Пламя, как сказал лорд Байрон, словно бы охватило все мое существо — а вместе с ним пришло неодолимое желание писать стихи; и я почувствовал себя счастливым — таким счастливым, что готов был пуститься в пляс. Я принялся расхаживать взад и вперед по комнате, пытаюсь прогнать мысли о сочинительстве, но чем больше я старался, тем больше крепло это чувство. Оно обрело такую силу, что мне померещилось, будто в правую руку вложено перо, и некий голос взывает: ‘Пиши! Пиши!’”. Макгонаголл послушно задумался, о чем бы ему написать. И тут его осенило: конечно же, о своем лучшем друге, преподобном Джордже Гилфиллане! “Сдается мне, лучшей темы я придумать не мог; посему я немедленно отыскал бумагу, перо и чернила и взялся за дело, дабы обессмертить великого проповедника, поэта и оратора”. Результатом стали нижеследующие нетленные строки:

1. На самом деле, такой фразы в шекспировском “Макбете” нет: в качестве выходной реплики Макбета ее добавил в свой сценический вариант пьесы сэр Уильям Давенант, английский поэт, драматург и театральный постановщик эпохи Реставрации. Эта дополнительная строка объясняла, почему солдаты Макбета и Банко остались “за сценой”.

Преподобный Гилфиллан из града Данди,
Нет равных тебе по уму.
Ты отважно отверг Символ Веры,
И всем объяснил почему. <...>

За щедрость к нищим и беднякам,
Его я немеряно чту,
И Господь ему точно сторицей воздаст
За всю его доброту.

Благословен будь наш пастырь,
Добродетелей многих оплот,
Да хранят его ангелы в жизни,
И позднее, когда он умрет¹.

Стихотворение было опубликовано в местной газете “Уикли ньюз”: так началась поэтическая карьера Уильяма Топаса Макгонаголла. За первым шедевром тут же последовали и другие: помимо преподобного Джорджа Гилфиллана, Топаз воспел многих других достойных личностей: в том числе Роберта Бёрнса, Уильяма Шекспира, и Ее Величество королеву Викторию (несколько раз). Но не только хвалебные оды выходили из-под его пера: нашего автора волновали темы самые разные. Исторические события (будь то казнь маркиза Монтроза в 1650 году или анекдот из жизни шотландского короля Иакова V, якобитские восстания или наполеоновские войны), великие битвы (будь то битва при Креси времен Столетней войны или современные автору англо-бурские войны), газетные сообщения о нашумевших происшествиях, — о кораблекрушениях, пожарах, похоронах или банкетах, в лучших традициях освященного временем жанра нарративной баллады, — где только не черпал бард вдохновение для очередного шедевра! Тема катастроф пришлась Топазу особенно по душе: произведения, посвященные тому или иному бедствию, составляют примерно 10 % наследия Макгонаголла, а стихотворение “Крушение поезда на мосту через Тей” стало его своеобразной визитной карточкой. На сайте, посвященном творчеству Макгонаголла, в качестве сувенира предлагается карта, на которой отмечены все места (в Шотландии и за ее пределами), воспетые нашим поэтом. А также календарь, в котором по месяцам отмечены все даты событий, упомянутых в его виршах. Так, к примеру, на месяц март приходится “Пожар на судне “Кент” (1 марта 1825), “Гибель Кессокского парома” (2 марта 1984), “Погребение императора Германии” (16 марта 1888), “Битва при Александрии” (21 марта 1801) и “Строки, написанные в память о моем выступлении 31 марта 1893 года в зале на Реформ-стрит”. Месяц апрель отмечен “Гибелью китобоя ‘Оскар’” (1 апреля 1813), “Осадой Серингапатама” (5 апреля 1799), “Битвой на Атбаре” (8 апреля 1898), “Битвой при Тулузе” (10 апреля 1814), “Смертью принца Леопольда” (12 апреля 1884) и

1. Перевод стихотворных фрагментов, если это не оговорено, выполнен автором статьи.

“Битвой при Куллодене” (16 апреля 1746). Как видим, временной разброс достаточно широк, а выбор тем достаточно предсказуем.

Также Уильям Топаз Макгонаголл в большом количестве сочинял душещипательные истории и назидательные поучения, призванные улучшить современные нравы, — в частности, о пользе театра и, конечно же, о вреде пьянства. Пламенный участник движения за трезвый образ жизни, он зачастую выступал в пабах и барах, призывая к отказу от горячительных напитков, — к вящему негодованию аудитории. Почетное место в его наследии занимает поэтический призыв предоставить избирательное право женщинам. Не брезговал он и стихотворной рекламой: за скромную плату воспел хозяйственное мыло “Солнечный свет”, а также — пилюли Бичема:

Эй! Хворые любого общественного положения,
 Прошу выслушать мои предостережения.
 Не важно, что с вами и чем заболели,
 Пьешь пилюли Бичема и встаешь с постели.

Их цена всем известна, за пачку — гинея.
 От нервов, разлития желчи, и еще диареи.
 От головокружения и сонливости, а также болей в пояснице —
 Ничто с пилюлями Бичема не может сравниться.

Это проверено сотнями, что пользовали их опять и опять,
 Так что никто не посмеет их обругать.
 Услышь всяк и каждый мой правдивый глагол.
 Так поэт вам глаголет, Макгонаголл¹.

Очень скоро стихотворец понял, что, как любому талантливому автору, ему необходим покровитель. Не размениваясь на мелочи, Макгонаголл написал напрямую королеве Виктории: послал Ее Величеству свои стихи и попросил оказать поддержку поэтическому гению. Получив вежливое благодарственное письмо из королевской канцелярии, Топаз преисполнился законной гордости. Если его поблагодарили за сборник стихов, так не порадовать ли королеву прочувствованной декламацией? И наш герой отправляется пешком через горы в замок Балморал. Свое балморальское путешествие Макгонаголл должным образом описал в “Автобиографии”. “Ясным летним утром в месяце июле 1878 года” (в такой формулировке могло бы начинаться очередное стихотворение) поэт отправился в “Хайлендскую резиденцию Ее Всемиловейшего Величества, королевы Великобритании и императрицы Индии”. Путь был неблизким, — около 50 миль, — но в деревнях по пути перед нашим героем распахивались все двери, когда он называл себя известным поэтом и в качестве доказательства гордо демонстрировал “королевское письмо Ее Всемиловейшего Величества, с королевской черной печатью, полученное за поэтические заслуги”. Увы, в Балморал его предсказуемо не пустили. Поэт предъявил

издание своих стихов, но и это ему не помогло. “Вы — не поэт Ее Величества; поэт Ее Величества — это лорд Теннисон!” — решительно заявил привратник, и был прав. Макгонаголлу пришлось уйти ни с чем. Впрочем, в том, что он является официальным поэтом города Данди и пользуется покровительством королевы, он нимало не разуверился.

Поэтические лавры богатства нашему поэту не принесли, пусть он и стал своеобразной знаменитостью в своем городе. Часто можно было видеть, как Макгонагалл бродит по Данди, собственноручно продавая свеженарисованные опусы, отпечатанные на отдельных листках на манер уличных баллад. А вечерами он радовал горожан художественной декламацией (неблагодарная аудитория забрасывала беднягу гнилыми овощами, но сам он списывал подобный прием на происки недоброжелателей, возмущенных антиалкогольной пропагандой). Выступал он и в окрестных деревнях и городах по приглашению местных литературных клубов, желающих поразвлечься. В 1880 году съездил в Лондон, надеясь сколотить там состояние, но ни один театр его не нанял, а декламировать стихи на улицах было ниже его достоинства. В 1887 году Макгонагалл попытал счастья в Нью-Йорке, уповавшая на то, что Америка по достоинству оценит великого трагика (тем паче что на протяжении всего рейса он “демонстрировал свои актерские таланты к вящему удовольствию пассажиров”). На таможне в ответ на вопрос о профессии “я, конечно же, сказал им, что я ткач; ведь, назовись я поэтом, меня бы не пропустили”. Увы, ему так и не удалось получить ангажемента ни в театре, ни даже в мюзик-холле, и Макгонагалл опять возвратился в Данди. Теперь он выступал в местном цирке — перед аудиторией, загодя вооружившейся тухлыми яйцами и помидорами, причем получал 15 шиллингов за вечер. Наконец городские магистраты решительно запретили подобные представления (Макгонагалл разразился обличительными виршами, но власти остались неумолимы). В 1890 году друзья поэта вскладчину издали “Поэтические перлы, избранные произведения мистера Уильяма Макгонагалла”; было продано целых 200 экземпляров. Макгонагалл перебрался в Перт — где тоже не встретил понимания, зато стал объектом очередного розыгрыша. В Перте его настигла посылка, якобы от двора короля Тибо Бирманского: в посылке обнаружился маленький серебряный слоник и письмо, посвящающее поэта в рыцари бирманского ордена Белого слона. Топаз, понятное дело, принял шутку за чистую монету и до конца дней своих гордо именовался сэром Уильямом Топазом Макгонагаллом, кавалером ордена Белого слона. Из Перта он выезжал с представлениями в Глазго, Инвернесс и Эдинбург. А в 1895 году окончательно перебрался в столицу Шотландии, где стал культовой фигурой среди студентов: пусть над ним и потешались, зато гнилыми овощами не забрасывали. Сохранилось письмо от трех “восхищенных поклонников”, с одой, сочиненной в честь мэтра (в лучших макгонагаллических традициях) и вопросами своему “кумиру”, в духе: “Как Вы думаете, велики ли наши шансы отобрать у Теннисона титул поэта-лауреата?” и “Если мы надумаем отправиться в Балморал, какой путь Вы посоветуете?”. Поэт успел почтить бессмертными строками смерть королевы Виктории и воспеть ее преемника Эдуарда VII — прежде чем скон-

чался сам 29 сентября 1902 года. Похоронен Макгонаголл на эдинбургском кладбище Грейфраэрс. Могила его неизвестна, зато на кладбищенской стене есть мемориальная табличка — сюда приходят отдать дань поэту многочисленные поклонники его творчества.

Честь открытия Уильяма Топаза Макгонаголла русскоязычному читателю принадлежит Евгению Витковскому и сайту “Век перевода” — именно там в 2004 году появились первые переводы “поэтических перлов” — за авторством В. Ногина (его “Пилюли Бичема” стали, можно сказать, “первой ласточкой”), А. Петровой, М. Виноградовой, Дж. Катара и других. Коллективными усилиями была решена непростая задача: с помощью каких именно средств русского языка возможно не умалить, но, по возможности, усилить комический эффект. В частности, не без влияния Козьмы Пруткова, в ход пошли диссорифмы. На сайте “Век перевода” Макгонаголл впервые заговорил на русском языке — и породил множество подражаний.

В XX—XXI веках шотландскому барду суждено было зажечь новой, несколько неожиданной, зато чрезвычайно событийной жизнью. В своих книгах о Гарри Поттере Джоан Роулинг обессмертила Макгонаголла в очередной раз, дав его фамилию Минерве Макгонагалл, профессору трансфигурации в Хогвартсе. В переводе цикла об Астериксе и Обеликсе на шотландский язык местный поэт и бард, чья музыка невыносима даже для односельчан, поименован Магонагликсом (Magonaglix) — в честь собрата из Данди. В цикле романов о Тиффани (“Маленький свободный народ” и других) Т. Пратчетта фигурируют гоннаглы — барды из числа маленького воинственного народца Мак-Нак-Фиглей, “искусные в игре на музыкальных инструментах, пении, поэзии и слагании историй”. Гоннаглы читали свои стихи прямо на поле боя для устрашения противника — с сокрушительным эффектом, сходным с выступлениями незабываемого Топаза в трактирах города Данди. А между тем поэтическое наследие Макгонаголла по сей день находит своего читателя: сборники его стихотворений неоднократно переиздавались и переиздаются. В 1934 году увидела свет новая подборка “Поэтических перлов”; вслед за нею вышли еще два сборника: “Новые поэтические перлы” (1962) и “Последние поэтические перлы” (1968). Притом что Уильям Топаз Макгонаголл считается худшим поэтом всех времен и народов, стихи его продолжают публиковаться спустя столетие после его смерти. Для бездарнейшего из виршеплетов очень даже недурно!

Несколько строк в защиту театра

Добрые люди любого общественного положения,
 Прошу всех выслушать мое наставление:
 Не верьте священникам — они неправы,
 Уверяя, что театр развращает нравы.

О нет; на сцене мы зрим посрамленье порока и
добродетели торжество:
Злодея вешают, а не то застреливают, тем самым
препятствуя карьере его;
Потому театр пользителен во всем и всегда,
И народу никоим образом не причиняет вреда.

[251]
ил. 2/2018

Ибо на сцене нам представлен конец грешника и
негодяя,
С виду весьма устрашающий — так я сказал и вновь
повторяю, —
Что послужит должным уроком для мота и повесы
По ходу просмотра назидательной пиесы.

Потому театр надобно всячески поощрять, ведь
Наглядный пример куда лучше, чем любая
проповедь,
Ибо производит эффект во всех отношениях
немалый
На умы и души любого отдельно взятого театрала.

Ежели кто, например, совершил преступление,
Такой в театре испытывает необычайное волнение,
На просмотре спектакля с элементами
кровопролития:
Так убийцы выдавали себя посредством поспешного
отбытия,

Ибо, обуянные страхом, прочь бежали из зала.
Сам великий Шекспир уверяет, что именно так оно и
бывало.
Таково мое мнение, кое дерзну я облечь в слова:
Преступник трепещет от страха, смертоубийство
завидев едва.

Гамлет посредством пиесы обнаружил убийцу отца,
Каковую для этой цели сам написал от начала и до
конца;
Ибо король, его дядя, досмотреть ту пиесу не смог,
И в спешке покинул зрительный зал, и убежал со всех
ног.
Вот так, посредством спектакля, обнаружилось
великое злодеяние,
И, будучи бесспорно доказано, привлекло всеобщее
внимание.

Засим театральное действо производит больше
 эффекта на население,
 Нежели любое религиозное наставление.

В трагедии Шекспира “Отелло”, напомнить позволю,
 Кассио, лишившись офицерского чина через
 приверженность к алкоголю,
 Воскликает прегорестно, ибо скорбь его велика:
 “О! Самим класть в рот свой отраву, превращающую
 тебя в дурака!”

Некий юнец в театр отправился на досуге
 На трагедию “Джордж Барнуэлл” — и свету не
 взвидел в испуге,
 Ибо пресловутый Джордж Барнуэлл зарезал дядю
 прямо у него на глазах,
 Он же, помышлявший о том же самом, внезапно
 почувствовал страх;

Видя же, что Джорджа Барнуэлла ждут петля и
 веревка,
 Он почувствовал себя чрезвычайно неловко,
 И не нашел в себе сил убить и ограбить любимого
 дядю,
 Ибо преисполнился опасения, на представление
 глядя.

А в заключение я посоветую вам весьма
 настоятельно:
 Посетите театр безотлагательно,
 Ибо театр есть школа добронравия и морали,
 И к разнузданному беспутству вас приведет едва ли.

Смерть и погребение лорда Теннисона

Увы нам! Вся Англия плачет и сокрушается в унисон:
 Ибо умер великий поэт, добродетельный лорд
 Теннисон.
 Льщусь надеждою, что душа его отлетела напрямиком в
 эмпиреи,
 В обитель любви и радости, и да окажется там
 поскорее.

А слева — маркиз Солсбери и мистер Дж. А. Фруд,
И лорд Селборн, весьма впечатливший собою
честной люд.

[254]

ил 2/2018

Тако же профессор Джоуэтт шел от гроба по левую
руку,
И мистер Генри Уайт, и сэр Джеймс Паджет
(каждого — одна штука),
И маркиз Дюфферин, и герцог Аргайл в придачу,
И лорд Солсбери, что шествовал уныло и чуть не
плача.

Все представители семьи Теннисонов безутешно
сокрушались и скорбели,
Включая достопочтенных мистера и миссис Халлам
Теннисон и молодых Обри и Лионеля,
Был там и мистер Артур Теннисон, а еще мистер и
миссис Горацио Теннисон,
И сэр Эндрю, что едва не до слез был растроган и
удручен.

Могилу засыпали белыми розами, поверх которых
легла земля.
Се! Поэт упокоился в могиле, достойной
венценосного короля.
Многие из венков удостоились похвалы и одобрения,
Особенно же выделялось от миссис Гладстон щедрое
подношение.

Приютские мальчики вели себя чинно и образцово,
Равно как и сэр Генри Понсонби, представитель
Ее Величества королевы;
Тако же и Генри Ирвинг, трагик весьма успешный,
Явился в собственном экипаже и вид имел
безутешный.

А в завершение настоятельно рекомендую под
влиянием момента
Почтить поэта возведением достойного монумента,
Чего вполне заслужил он деяниями выдающимися и
благими, —
А на камне да будет начертано золотом славное имя!

Перевод Светланы Лихачевой

Ночная битва

Сыны Марса, внемлите моим словам,
И я поведаю вам
О таком великом и героическом морском бое,
Что возликует сердце любое.

[255]

ил. 2/2018

Бой тот произошел между английским фрегатом
“Бланш” и французским фрегатом “Пик”,
И среди англичан всяк был отважен и духом велик,
А дело происходило в году тысяча семьсот девяносто
пятом в Вест-Индийских морях,
И за победу французы сражались, отринув страх.

И утром четвертого января, когда корабль
крейсировал вдоль Гаделупских берегов,
С фор-марса раздался впередсмотрящего зычный
зов:
“Парус на горизонте!”. А когда у него потребовали
уточнения,
“Близ берега, сэр, с подветренной стороны!” — он
ответил без промедления.

“Все по местам!” — приказал капитан Фолкнер,
заслышав это,
И обозрел французский корабль при посредстве
лорнета.
Он отдал приказ британский флаг вывесить над
кораблем —
“Давайте, мои герои, ту французскую тряпку сдерем”.

На “Бланш” все паруса поставили сей же миг
И, не теряя времени, помчались туда, где плыл
французский “Пик”.
“Догоним врага! — капитан Фолкнер воскликнул яро. —
Изготовимся к бою и как следует зададим ему жара!”

Уже около полуночи француз наконец замаячил на
расстоянии
И стал отчетливо различим в лунном сиянии.
И потом битых полтора часа говорили пушки:
Противники отважно вели перестрелку,
развернувшись бортами друг к дружке.

На французском судне народа было чуть ли не до
 четырех сотен,
 Так что строй их от носа до кормы был необычайно
 плотен,
 И мушкетеры их ни на миг не прекращали яростного
 обстрела,
 Но “Бланш” все равно продолжала приближаться
 смело.

Затем канониры “Бланш”, не боясь самого черта,
 Дали могучий залп из орудий вдоль одного борта,
 Которым разнесли “Пик” вдоль и поперек и
 перебили кучу народу,
 А сломанная мачта со страшным треском рухнула в
 воду.

Тогда французы всей толпой ринулись на абордаж,
 Но получили такой отпор, что быстро растеряли
 кураж,
 Ибо отважные британские моряки троекратно
 Наступавших врагов на их же корабль отбрасывали
 обратно.

И капитан Фолкнер тогда не сдержал победного
 клича:
 “Принайтовьте француза, ребятки, это будет наша
 добыча!”
 И, канат ухватив, размахнулся он что есть силы,
 Но тут пуля, пробив отважное сердце, на месте его
 уложила.

Тогда вся благородная команда с яростным криком
 Бросилась к тому месту в волненье и горе великом,
 И неудержимые слезы утраты падали градом
 Из глаз матросов на палубу с павшим героем рядом.

Из-за гибели капитана англичане преисполнились
 скорбной кручины,
 Однако не утратили мужества и бились все, как
 мужчины,
 И канатами привязали “Пик” к “Бланш” по морскому
 обычаю,
 И зрелище это было исполнено истинного величия.

Однако храбрые моряки с “Пика” не сдавались, тем
не менее.
И о! Какое в глухой ночи кипело яростное сражение.
Битых два часа они отстреливались, гордость храня,
Но все же вынуждены были сдаться, чтобы
прекратилась резня.

[257]

ИЛ 2/2018

И около пяти утра французы запросили пощады,
Ибо на борту воцарилось подобие ада.
Был смертельно ранен капитан французов Консаль,
И многие его солдаты и офицеры, и видеть было
мучительно жаль,
Как они валяются, простреленные и порубленные,
кто мертв, а кто еще жив.
И британцы остановили огонь, сражение завершив.

Перевод Марии Виноградовой

Чудесное спасение поезда

Жила-была бедная женщина близ Огайского
железнодорожного полотна.
Поезда ходили денно и ночью мимо ее окна.
Старушка-вдова жила там с единственной дочерью
В лачуге у края ущелья, что разверзлось прямо
за дверью.

От края до края через зияющую пустоту
Поезда проезжали по крепкому металлическому
мосту.

Старушка ж кормилась тем, что продавала
домашнюю птицу,
Яйца и ягоды также — словом, все, что в еду годится.

Часто хаживала она в ближайший город пешком
За много миль, с корзинкой или даже мешком.
И, распродав весь товар, коротко ли или долго,
Возвращалась домой с сознанием выполненного
долга.

Поезд проезжал ежедневно мимо ее лачужки,
Так что кондуктору примелькалась рачительная
старушка.

И подвозил он ее не раз и не два, бывало,
Ежели шла она мимо и, допустим, очень устала.

Также и машинист, в свою очередь, был с нею
любезен и мил,
Памятуя, что ближнему надо помогать в меру сил,
И ежели и подвезут они в кои веки пожилую
матрону,
То железнодорожная компания, уж верно, не
потерпит большого урона.

В том, сколь они были правы, они убедились воочию,
Ибо пренеприятный казус приключился вскорости
ночью:

С горы лавиной сползли подтаявшие снега,
И река разлилась и затопила собой берега.

Сердце старушки сжималось от страха, и неспроста:
Вода прибывала, и вот не выдержали опоры моста.
С устрашающим треском мост рухнул в зияющую
пучину,
Что повергло старушку в безмерную тоску и кручину.

Ведь поезд ожидался ровно через тридцать минут,
И старушка ведать не ведала, что можно поделаться
тут:

Дождь лил потоком и злобно выли ветра,
И небеса со всей очевидностью не сулили добра.

Увы! Не было телеграфа на той железной дороге,
Чтобы предупредить машиниста или просить
о подмоге,
А лучина под ливнем не продержалась бы и секунд
десяти;
Но вдова вознамерилась поезд всенепременно
спасти.

Ни минуты не мешкая, она принялась за дело,
И кровать на составные части разобрала умело,
И, взвалив на плечо доски заодно с пледом,
Наказала дочери поскорее поспешать следом.

По крутой насыпи они вскарабкались живо
И сложили останки мебели на рельсах вблизи
обрыва,
И подожгли сухую растопку, и она запылала скоро,
Алый отблеск роняя на рельсы лучше всякого
семафора.

Тут старушка сняла с себя красное платье, оставшись
в чем мать родила,
И привязала его к шесту, так крепко, как только
смогла,
И побежала вдоль полотна, размахивая шестом и
руками,
А дочь осталась стоять там, где кровать поглощало
пламя.

[259]

ИЛ 2/2018

Тут красный глаз паровоза сверкнул из-за поворота
дороги.
Старушка с дочерью себя не помнили от тревоги.
Но, слава Богу, состав остановился от обрыва метра
за два —
И был спасен, как того и желала старушка-вдова.

Такие старушки, спасающие поезда,
На вес золота ценятся везде и всегда.
Вот образчик истинного геройства и душевной силы,
О чем должно начертать золотом на камне ее
МОГИЛЫ.

Перевод СВЕТЛАНЫ ЛИХАЧЕВОЙ